

ourselves by the same things, nor is there any reason to say that we should be. Still, it seems that we may find a more harmonious plurality among the objects of our faith, discovering that the things we value in this way can coexist in a way that the things we merely believe cannot.

I suggest that “the endeavor to achieve what is highest and best in being, doing, and becoming” is just such a thing. Aristotle begins his *Nicomachean Ethics* by speaking of things that are potentially “good in their own right”, but I do not need his implicit ontological claim about the nature of the things we have faith in (that they truly *are* valuable in this way). Kant begins his *Groundwork* with a rhapsodic discussion of “the good will”, which does not just wish to conform to the law but “summons all the means in its power” to pursue it. This is exactly the kind of passionate commitment that I have in mind when I speak of faith, but I do not need Kant’s implicit limitation – his suggestion that only the law ultimately deserves of this kind of commitment. These are precisely the kinds of claims that divide us in our discussions of morality, and I want to focus on the felt impulse, the commitment, that precedes these kinds of claims: namely that there *is* something that is highest and best, something that ought to be or be done – for an agent, at a time – and that the very excellence of this possibility makes a claim on that agent.

This is what I discovered when I asked myself what morality *is* rather than what morality *requires*.

I think it is something almost all of us can have faith in.

Кенди Хесс¹

«**Ч**ем именно является мораль, по вашему мнению?» Это необычный вопрос. Стандартный этический вопрос другой – «Чего *требует* мораль?», вопрос, гарантированно порожающий жаркие и подчас мучительные споры. И это, конечно, очень важный вопрос, но когда я сравниваю его с вопросом «Что *есть* мораль?», я начинаю задумываться о том, а не направляет ли близорукая сосредоточенность на стандартном вопросе нашу дискуссию в такое русло, в котором разногласия преувеличиваются и тем самым углубляются. Вопрос о том, чего требует мораль, выводит на поверхность те убеждения, которые нас разделяют, а вопрос о том, чем мораль *является*, как я собираюсь утверждать далее, может

¹ Кенди Хесс — именной доцент Брейк-Смита в области социальной философии и этики, колледж Холи-Кросс, США.

указать нам на некую общую основу. Мы редко прерываемся для того, чтобы ее заметить. Но нам стоит это сделать, поскольку она предполагает чрезвычайно вдохновляющее единство, лежащее в основании всех разногласий и споров.

Однако сначала я действительно попытаюсь ответить на первый вопрос. Мораль, на мой взгляд, это пространство стараний, нацеленных на достижение совершенства бытия, деяния и становления¹. Это пространство *стараний*, поскольку мораль в своей сердцевине имеет глубоко практический характер. Если мы говорим о морали, то императив действия всегда находится неподалеку. Это *пространство* стараний, поскольку мораль включает в себя нечто большее, чем просто деятелей и действия. Она включает и тот контекст, в котором деятели действуют. Это и ограниченный мир, стоящий перед деятелем, и те аспекты большого мира, которые имеют значение для его решений. Существуют факты, касающиеся того, каков мир, и факты, касающиеся того, как мир воспринимается. Взятые вместе они в буквальном смысле слова создают возможности того совершенства, которое пытаются воплотить моральные деятели. Мы не можем осмысленно говорить о том, каким должен быть моральный деятель, что он должен делать и кем он должен стать, не принимая во внимание эти факты.

Данная характеристика чрезвычайно разрежена, она почти пуста, так что я расскажу немного больше о моих личных убеждениях, чтобы наполнить ее содержанием. Это приблизит нас к моему собственному ответу на стандартный вопрос («чего требует мораль?») и ко всем разногласиям, которые связаны с ним. Однако не забывайте мое предварительное определение, так как мы вернемся к нему в конце рассуждения.

Чтобы наполнить содержанием это предварительное определение, мне надо сказать больше о ценностях, об онтологии и о том, что я называю миром. Что касается ценности: «Что делает какую-то вещь совершенной и как мы узнаем об этом?» У меня пока нет удовлетворительного ответа на первую часть вопроса, но два пункта кажутся мне очевидными. (1) Совершенство хотя бы отчасти является вопросом контекста, включающего согласованность между существом и его окружением (природным, социальным и проч.). Явление, которое не в ладах с его обязательным контекстом, в каком-то смысле уродливо и сошло с правильного пути. (2) Совершенство должно быть до определенной степени внешним и объективным. Оно должно опираться, хотя бы частично, на факты о мире, как он *есть*, а не

¹ Для тех, кто интересуется таксономиями, это в целом очевидно аристотелианский подход, хотя и такой, который уделяет большое внимание как встроенности индивида [в культуру и сообщество], так и индивидуальной аутентичности. Действительно очень странное создание.

только о том, в каком смысле он *ценится*. В противном случае мы столкнемся с возможностью того, что отчаянно желаемый Феррари и есть *то*, что обладает приоритетной ценностью, а брошенный и никем не любимый сирота – совершенно лишен ценности, и что действия, выражающие такие оценки, не только допустимы, но и правильны. Я просто не могу этого принять. Что касается вопроса о том, как мы узнаем, что является совершенным, я нахожу убедительным значительную часть рассуждений Дж.С. Милля в «Утилитаризме» – наилучшее из доступных нам свидетельств в пользу того, что данная вещь ценна, состоит в том, что она ценится. Ее ценность не состоит в том, что она ценится, но если ее ценят (в разные времена, разные культуры и разные люди), то это свидетельство ее ценности.

Что касается онтологии: «Каковы деятели и субъекты, характерные для моральных стараний?». Длительное время мы без сомнений отвечали на обе части этого вопроса: взрослые человеческие существа и далее – прямо или замаскированно – мужчины. Позднее мы начали рассматривать возможность того, что женщины, дети, животные и среди прочего экосистемы могут быть полноценными субъектами морали, а также, что женщины и коллективы могут быть полноценными моральными деятелями. В отношении моральных деятелей я полагаю, что все, кто *может* осознавать моральные обязанности и придерживаться их, также *должны* их осознавать и придерживаться. Это принцип, который, безусловно, включает женщин и, как я предположила в другом месте, коллективы, подобные корпорациям и правительствам. Я полагаю, что в отношении моральных субъектов мы должны признать внутри этого класса некоторые подразделения. *Вопреки* Канту, человечество не является единственным, кто имеет право на моральное отношение. Нет причин полагать, что существует только одна основа морального отношения, или, что все существа, достойные морального отношения, достойны его в равной мере. Какие свойства делают существо моральным субъектом? Я не могу предложить полный список. Но способности к страданию, процветанию, жизни, моральному действию, как мне кажется, являются убедительными, равно как и такие характеристики, как «являющееся естественным» (что бы ни значило это выражение) или «являющееся возвышающим». Мы можем принять их все, а также некоторые другие, признавая градации между ними. При этом моральные субъекты, обладающие всеми этими способностями – как, например, большинство взрослых людей – имели бы право на большее уважение и поддержку.

Что касается «мира»: «Как он существует и как он воспринимается?». Я полагаю, что адекватные ответы на эти вопросы требуют от нас исследовать человеческую (и не только человеческую) психологию, социологию, культуру, экономику, экологию и т.д. Конечно, мы не можем быть экспертами во всем, но если

мораль включает мир, который создает возможности для совершенства, то мы должны исследовать этот мир перед тем, как осмысленно обсуждать такие возможности.

Сказав о том, чем, по моему мнению, мораль *является*, я могу высказаться вкратце и о том, чего она, по моему мнению, *требует*. Я полагаю, что мир таков, что совершенство (или достижение отдельных совершенств) возможно, и что эта возможность задает требование, обращенное ко всем моральным деятелям: формируйте свою личность и совершайте действия таким образом, чтобы это способствовало реализации этих возможностей либо напрямую через вас самих, либо через ваше влияние на других деятелей. Чем ближе мы приближаемся к миру, в котором все моральные деятели подобающим образом относятся ко всем моральным субъектам, тем ближе мы к подлинному совершенству – высшему и наилучшему. То, что понимается под «подобающим» отношением к моральным субъектам, будет существенно отличаться от ситуации к ситуации. Я отношусь с подозрением к строго определенным правилам, которые призваны продиктовать *все*, что касается поведения в отношении всех моральных субъектов, и с еще большим подозрением – к правилам, которые призваны продиктовать *все*, что касается поведения всех моральных деятелей и (Боже упаси!) во всех возможных ситуациях. Понимая значительную неопределенность оговорки о *ceteris paribus* (прочих равных условиях), я все же могу заявить, что *ceteris paribus* мораль требует, чтобы моральные деятели поступали так, чтобы сохранять и увеличивать способность всех моральных субъектов воплощать их собственные специфические совершенства (не настаивая при этом на том, что все моральные субъекты равны между собой). Это включает учет контекстуальных факторов: институциональных и социальных структур, которые усиливают или ослабляют эффект их поступков, способствуют или ограничивают возможности, открытые для субъектов. Обязанности такого рода уравниваются обязанностью морального деятеля (*ceteris paribus*) реализовывать свое собственное совершенство, развивать свои интеллектуальные и связанные с ними способности, а также (по возможности) развивать эмоциональные способности и обогащать свой жизненный опыт.

Итак, мы прошли длинный путь от моего начального описания того, чем *является* мораль. На этом пути я сделала некоторое количество чрезвычайно противоречивых заявлений и без сомнения породила несогласие у большинства или у всех своих читателей. Так всегда происходит, когда мы вдаемся в детали наших индивидуальных убеждений, и поэтому я хотела бы вернуться к моему предварительному определению морали и своему предположению, что за всеми разногласиями таится некое единство. Повторюсь, мораль для меня – это

пространство стараний, нацеленных на достижение наивысшего и наилучшего в области бытия, деяния и становления. И хотя вполне может быть, что никто не согласится с моими убеждениями, касающимися морали, я подозреваю, что сама мораль – как я ее здесь определила – является чем-то таким, во что верит почти каждый. Позвольте мне сказать, что я под этим понимаю.

Однажды мой религиозный друг сделал восхитительное предположение, что нас разделяют убеждения, но не вера. Он сказал, что если мы сконцентрируемся на тех вещах, в которые мы верим, а не на тех, в которых убеждены, мы можем обнаружить единство там, где, казалось бы, никакого единства быть не может. Он вел речь о религиозных верованиях, о различных типах теизма и атеизма и острых разногласиях, существующих в этой сфере, но «вера» в подразумеваемом им смысле не обязательно является религиозной. Именно выход за пределы религиозного контекста привлек мое внимание.

Вера в этом смысле слова – это просто страстная и в силу этого мотивирующая приверженность чему-то за пределами себя самого. У нас есть вера во что-то, когда мы преданы чему-то, поскольку считаем, что такая преданность есть более высокий и лучший тип озабоченности, чем наши непосредственные интересы. Это что-то является для нас «иным», но, тем не менее, вызывает в нас глубоко личный отклик и в силу этого формирует наше поведение. Для некоторых людей это Бог, для других – семья, общество, бедные, молодые, престарелые, традиция, образование, природа, красота, истина... Список можно продолжить. Как мне кажется, если мы посмотрим на те вещи, которые ценим именно этим образом, то обнаружим такое единство, которого мы не найдем на уровне убеждений. Конечно, мы не обнаружим и единогласия. Нас зовут за пределы самих себя разные вещи, и нет причин, по которым они были бы одними и теми же. Однако, как я полагаю, мы можем обнаружить более гармоничное разнообразие там, где речь идет об объектах нашей веры, открывая для себя, что те вещи, которые мы ценим именно этим образом, могут сосуществовать между собой так, как не могут сосуществовать вещи, в которых мы просто убеждены.

Полагаю, что «старания, нацеленные на достижение совершенства бытия, деяния и становления», являются как раз такой вещью. Аристотель начинает «Никомахову этику», говоря о вещах, которые хороши сами по себе, но я не нуждаюсь в скрытых онтологических послышках о природе вещей, в которые мы верим (т.е. в тезисе, что они действительно *являются* ценными в этом смысле). Кант начинает свои «Основания метафизики нравов» с восторженного обсуждения «доброй воли», которая не просто желает соответствовать закону, но, следуя ему, «применяет все средства, поскольку они в ее власти». Это тот самый

вид страстной приверженности, который я имела в виду, говоря о вере, но мне не нужно кантовское имплицитное ограничение, т.е. его предположение, что в конечном счете только закон заслуживает такой приверженности. Это именно те утверждения, которые разделяют нас в наших спорах о морали. Но я хотела бы сфокусировать внимание на переживаемом импульсе, на приверженности, которая предшествует таким утверждениям, а именно на том, что есть что-то такое, что является высшим и лучшим, что-то, что должно быть или быть сделано (каким-то деятелем и в какой-то момент времени), и на том, что само совершение этой возможности налагает на деятеля обязательство.

Вот то, что я обнаружила, когда спросила себя, «чем мораль *является*», вместо того, «что она *требует*». Мне пришло в голову, что это нечто такое, во что верят почти все из нас. И я думаю, что это действительно так.

Перевод с английского А. Прокофьева

Robert L. Holmes¹

Morality is a creation of human beings. There was no right or wrong at the creation of the universe. The first sub-atomic particles had no rights or duties, atoms and molecules no obligations. Morality's emergence marks a major development in human progress. It is on a par with anything in the purely physical realm. It was not a conscious creation, at least in its early stages. It was facilitated by language. The discovery of the subjunctive was central. To be able to speak, not only about what is, was, and will be but also about what one wishes were the case and, more importantly, about what ought to be the case, opened up a whole new dimension of thought and action. Philosophers have been trying to understand and explain this dimension ever since.

As an ultimate perspective for the evaluation of conduct, morality is a freely chosen perspective. Nothing logically compels anyone to judge morally. But it is virtually impossible (except perhaps for sociopaths) never to be responsive to moral considerations. For Hume, this was explained by sympathy, an element of man's conative/affective nature. For Kant it was explained by reverence for the moral law, an aspect of man's nature as a rational being.

¹ Robert L. Holmes — Professor Emeritus University of Rochester, USA — is the author of “Pacifism and Weapons of Mass Destruction” (2004) “Is there a Slippery Slope from Suicide to Assisted Suicide to Consensual Euthanasia?” (2001), “St. Augustine and the Just War Theory” (1999), “Basic Moral Philosophy” (2003), “Nonviolence in Theory and Practice” (2004) and others.